

(1936 -1961)

YMCA - PRESS

11, rue de la Montagne Ste Geneviève, Paris V^e[Scan ImWerden](#)

OCR Ловецкая Т. Ю.

ВВЕДЕНИЕ

Мое знакомство с Буниным было не совсем обычным. В ноябре 1935 года была устроена "Выставка русских книг". В очень неудобной позе, сидя на полу, я рисовала плакат, когда надо мной раздался насмешливый голос:

-- А что вы тут делаете? -- я в сердцах подняла голову и осеклась -- Бунин!

-- Стараюсь написать плакат, да очень уж неудобно!

Отвернувшись, я почувствовала, как краска заливает лицо. И. А. заметил мое смущение и стал задавать мне вопросы один за другим: где я живу, с кем, что делаю, откуда приехала... и вдруг расхохотался.

-- Вот так написала! -- Выводя буквы e_x_p_o_s_i_t_i_o_n, я пропустила t_i! Плакат испорчен, досадуя:

-- Это вы меня смутили! Что за вопрос, не буду отвечать!

Я встала, чтобы направиться к устроителям. Бунин не отходил:

-- Так вы с характером, вот какая! Значит, вы художница, а я поэт, давайте встретимся, поговорим! Позвоните мне. -- И на билетике первого класса метро он написал номер телефона.

В сущности, я была очень польщена и несколько дней колебалась: звонить или нет? Но любопытство взяло верх. Ответил мне женский голос: "Вам Иван Алексеевича? Ян, тебя". Голос показался мне особенным, скорее трескучим, чем мелодичным. Зато голос И. А. был исключительным по его необычайным интонациям, он актерски пользовался ими. Это первое свидание в кафе на площади Ла Мюэт, во время которого Бунин говорил, а я слушала, не веря, что сижу с великим писателем, навсегда в моей памяти. Узнавши, что я живу почти что по соседству, Бунин довольно часто звонил, чтобы посидеть в кафе, пойти в синаму, однажды пригласил в шведский ресторан. В ту же осень Гончарова и Ларионов устроили обед в честь Бунина в испанском ресторанчике, который Гончарова, декорировала. В тот вечер я познакомилась с Верой Буниной. Держалась она прямо, с большим достоинством, бархатное платье обтягивало ее еще стройную фигуру, лицо показалось мне приветливым и моложавым. Наталья Сергеевна Гончарова училась в Москве в той же гимназии Стоюниной, что и Вера Бунина. По ее словам, Вера была первой красавицей во всей гимназии. Лицо точно из белого мрамора, и синие глаза сияли, как звезды. Встретились мы еще на балу у писателей. Она продавала с другими дамами в буфете пирожки и сласти и ей было не до разговоров. Меня же больше интересовал И. А., который часто подсаживался к нашему столу. Я не представляла себе тогда, что дружеские отношения наши будут продолжаться 25 лет, до самой смерти Веры Николаевны в 1961 году.

Бунин плохо переносил парижские дожди, часто болел гриппом и мечтал о "блаженном юге". Так и в этом, 1936, году он долго хворал и ранней весной уехал с В. Н. в Грассе. Я скучала, и мне тоже захотелось провести лето в Грассе. На мое письмо И. А. ответил, что не советует: "летом Грассе пустыня". Но в этой "пустыне" была дача Бельведер, и меня тянуло туда... Встретили меня Бунины радушно; на даче с ними жил Зуров, с которым я познакомилась за обедом; сервировал провансальский повар Жозеф. Это была вся роскошь, которую позволяла себе семья нобелевского лауреата.

В июле Бунин оживился -- приехали на юг парижане: Зайцевы, Алданов, Фондаминские, Цетлины, та литературная и около литературная среда, без которой И. А. не мог жить и которая в этом году Бунину еще более необходима, так как он тосковал от отсутствия Г. Кузнецовой. Молодое женское общество развлекало его и вдохновляло, а его как раз не хватало! Помню одну прогулку вдоль канала над Грассом. И. А., Зайцев, Зуров шли впереди, а дамы отставали. Вера Зайцева была в ударе и много оживленно рассказывала. Потом В. Н. сказала мне: "У Веры больше таланта и блеска, чем у Бориса".

Дача Бельведер, с огромной пальмой у входа, которая за эти полвека еще выросла. Пальма давала тень на площадку перед домом, на которой стояли большой стол, стулья, кресла. Тут пили чай и вели бесконечные разговоры -- русская литературная стихия, которой предводительствовал "Князь", как я прозвала И. А. позже.

Обстановка была очень скромная. И после Нобелевской премии Бунины удовлетворялись малым. Если им случалось проводить зиму не в Грассе, то это скорее потому, что вовремя не наняли Бельведер. Так было в 38 году: сняли дачу La Dominante в Beausoleil. Есть фотография Бунина "С Олечкой на коленях" -- на этой даче жила с ними Ляля Жирова с дочерью, о которых В. Н. писала мне в каждом письме.

Но пришла война, и в сентябре 1939 года Бунины навсегда расстались с Бельведером. На шоссе Наполеона, на крутой горе над Грассом, была дача Жанет, принадлежавшая вдове капитана Юбера, англичанина, который построил также часовню немного выше, совсем в сосновом лесу. Дача сдавалась, так как во время войны владелица уехала в Англию. Помню переезд, поразило меня то, что книги и журналы десятками были выброшены прямо на пустырь и мокли под дождем. Дача была барская. Мягкие кресла, диваны, ковры. У И. А. прекрасный кабинет с огромными окнами и дивным видом на холмы и долину. У Веры Николаевны комната с застекленным балконом, там стояли горшки с цветами и тахта, где она оставляла ночевать тех, с которыми любила поговорить "по душам", а таких было немного. Время было военное. Гостей извне ждать можно было только по счастливой случайности, а домочадцы, которые нашли приют на вилле Жанет, по словам В. Н., "не сходили до нее".

Дача была окружена чудным садом, который кончался лесом. В. Н. любила дружеские прогулки, но для этого не находила партнера, о чем мне писала. Настоящая наша переписка началась именно с их переездом на Жанет. Но, увы, много писем не сохранилось. Те, которые мне удалось разыскать, передают атмосферу их дома, трудности их жизни в 1939-1945 годы, отношения с домочадцами, любовь ее к Олечке, ее редкую отзывчивость на чужое горе. Так пронзила ее судьба моей тети, которой она деятельно помогала во время болезни, и это будучи сама полубольной. Письма 1944, 1945 года полны подробностями о состоянии больной...

Дача Жанет была последней на высотах Грасса, и добраться до нее было трудно. Ходить в город за провизией, носить тяжелые мешки в гору было не под силу. В доме жили молодые еще женщины, Галя Кузнецова, Марга Степун, Ляля Жирова с Олечкой, Ляля и Аля. Но как-то так выходило, что, несмотря на установленное дежурство, больше всех выпадало работы хозяйке. Зуров был на положении больного, так как приехал из санатории, его нельзя было тревожить. Ляле тоже надо было отдыхать. Однажды встретила я В. Н. в городе и пригласила посидеть в кафе: "Не могу, никак не могу, Марга осталась без папирос и ждет меня!!!" "Почему же ей не спуститься самой за папиросами?" "Нет, что вы, у нее часто подымается температура!"

И так всегда преувеличивала В. Н. чужие недомогания и преуменьшала свои. Также в заботах о других она никогда не выставила себя. Поистине, "правая рука не знала, что творит левая". И все же, никак нельзя было ее назвать сентиментальной, слащавости в ней не было. Слащавость не уживается с юмором, а в ней было как раз много юмора. Очень любила она пошутить, посмеяться, прозвища...

Так, в памятный год начала войны, в день ее именин, задумали мы переодевания... и бал! Олечка была просто в восторге от этой затеи! Она сделала Эльфом, Ляля Ундиной, В. Н. я смастерила корону и стала она навсегда Никой-королевой (Никой прозвала ее Олечка). Мне достали красивый платок, красный пояс, кинжал и превратили в "несвиного корсиканца". Это прозвище "Корсиканец", а впоследствии сокращенно, "Корси", стало моим именем. Надо сказать, что мои рассказы о Корсике, где провела я лето 1935 года, пришлись очень по душе В. Н. и И. А., и они часто расспрашивали меня о всех приключениях на "Иль де Ботэ", вплоть до ареста военным патрулем заблудившихся туристов, заключения в крепость, как "шпионов", и конечного освобождения. Никой называла я В. Н. во все годы нашей дружбы. Иван же Алексеевич введен был в княжеское достоинство -- "князь от литературы", или просто "Князь", на что он снисходительно улыбался. Все это было описано в моих воспоминаниях "Живое прошлое", с иллюстрациями, помещенных в 84 томе "Литературного Наследства".

Если письма из Грасса в Лион, где мы с мужем работали во время войны, полны описаниями всего пережитого, всех невзгод, холода, голода, недомоганий всех собравшихся под Бунинский кров, надо сказать, что всегда болевший в Париже И. А. сравнительно благополучно перенес военные годы, я думаю благодаря климату "блаженного юга". Несмотря на это, редкие строки ко мне И. А. были жалобны: "Написал с десятков рассказов, да кто их будет читать?..." "Как работать без архивов, а архивы в Париже!..." Вера же Николаевна никогда не жаловалась, жалела других, но не себя, старалась находить хорошее во всем: в раннем вставании, в "ночном" солнце, в стоянии в очередях, в отрезанности от всего, "чем мы в сущности живы". "Мало кто к нам поднимается, можно углубиться в "Беседы с памятью". Очень много читаю". И всегда перечень прочитанных книг.

Пришел 45 год. Как всегда, В. Н. описывает праздничный стол, как всегда, дороги ей традиции. "Что принесет он нам и всем?"

В марте уже готовы чемоданы для переезда в Париж. На мое письмо, в котором я тревожусь об перемене климата для И. А., Ника подробно отвечает мне, что я серьезно не подумала, что переезд жизненно необходим: надо устроить вечер чтения, надо запорядить книгу, в случае болезни есть русские доктора, аптеки, не дай Бог попасть в провинциальный госпиталь, "что видно на примере Вашей тети" -- "Для одного лекарства для нее И. А. обегал в Ницце все аптеки!" Со всеми ее доводами нельзя было не согласиться, а все же было тревожно, когда первого мая Бунины проехали через Лион в Париж.

И действительно, настало для В. Н. "жаркое время", как написала она в письме Е. П. Ставраки. Надо было подготовить Вечер чтения, который дал 30.000 франков, столь необходимых. Но И. А. был простужен, "я чувствовала, как ему было трудно читать". Переписка наша продолжалась. Но теперь главным для В. Н. были изыскания средств, устройство вечеров, и не только для И. А., а и для Лени. "Быстрая помощь", продажа книг, "слезные письма имущим"... Как-то она писала мне, что про нее сказали: "Это легко -- брать деньги у одних и давать другим!" "А попробуйте-ка, тогда увидите, как это трудно". Но для В. Н. трудности не были препятствием, преодолевать их было каким-то спортом, настолько была она сильна духовно.

В то время квартира на улице Жак Оффенбах была перенаселена: Ляля с дочкой поселились в ней еще до отъезда жильцов, до конца войны, потом туда вселился Ляля. Приехавшим с юга остались всего две комнаты. В одной спал И. А., там же был его письменный стол, в столовой спала Ника. При этой тесноте трудно было ему разбирать архивы, писать и вообще жить нормально. Все было заставлено вещами, нигде повернуться в небольших комнатах. Это особенно ощущалось после виллы Жанет и барского его кабинета. Но И. А. был готов на все жертвы для милой Олечки, и это заселение продолжалось годами. Как я уже отмечала, терпение В. Н. было безгранично, но и терпение И. А. вполне соответствовало ему. Я никогда не перестану удивляться доброте И. А. Он никогда не препятствовал Вере Николаевне в ее начинаниях помощи ближним и дальним, он поощрял ее! Поэтому всегда около них были люди, и никто не уходил с пустыми руками после всегданшего чаепития. Это мог быть совет или адрес полезный, или знакомство с издательством, или рекомендация. Ко всем проявлялся живой интерес и благожелательство. Поэтому и приходило к ним столько народу, литературного и всякого.